

Глеб Горбовский - не нужны никакие отличия и звания, которых у него предостаточно. Просто - Глеб Горбовский! Он неохотно дает интервью, выступает крайне редко, несмотря на обилие приглашений.

Где вам легче всего пишется? В городе или в деревне?

Деревня - это превосходно! Люблю бывать в Юшково, на берегу реки Волхов, что близ Новой Ладоги. У меня там друзья. Николай Шалаев (поэт и художник), его жена Юля. С ними (я и моя жена Лида) - все лето, до осени. Там хорошо пишется: природа замечательная, река, лес, грибы, ягоды... В общем, полное отдохновение души. Там нет «друзей», а есть настоящие - с такими же склонностями и стремлениями, как я. Они тоже любят природу, радуются солнечным дням. Пишут. И вообще, очень славные ребята.

У вас очень светлые стихи. Как вам удается столь оригинальная подсветка? Вы сознательно это делаете?

Нет. Просто я люблю эту подсветку. А началось такое, когда я посещал ЛИТО «Голос юности», которым руководил Давид Яковлевич Дар... Помню, в том зале - картина, а снизу - подсветка... лампа - ближний свет. Вот и в стихах хотелось бы, чтоб так, но, увы, не всегда получается...

Что для вас Поэзия?

Это уже в течение полувека мой образ жизни. Так уж вышло, так уж сложилось.

А что же такое Поэзия?

Поэзия или стихосложение?

Поэзия!

(смеется). Это не просто рифмованные строчки. Бывает же, очень складно пишут, и эрудированных ребят сейчас - полным-полно, а вот этой самой Поэзии - нет. Поэзия - то, что прочтешь - и тебя согрело изнутри, душевно. А иногда может развеселить, удивить, возмутить... Лирика должна согреть, должна быть живой. А я люблю стихи еще и сюжетные.

А как вы относитесь к религиозности, естественно, в ее современном понимании?

Я редко хожу в церковь. Я верю в Создателя такой уникальнейшей, чудной планеты, как наша. Без Создателя ничего не может быть... Какие-то взрывы, «черная дыра» - считаю чужью. Когда каждый атом на своем месте - это не случайность. Создатель есть! Бывал в монастырях. У меня целый цикл есть монастырских стихов. Это: «Вечер плыл перед взором...», «Елецкий монастырь», «Ванюша» и другие.

Приходилось ли вам «проталкивать» ваши книги, были ли проблемы с их изданием?

Безусловно. Издаваться всегда трудно, порой унизительно. Сейчас большинство авторов издаются за свой счет. Я бы тоже должен был сам платить, но у меня - пенсия, и все. Хорошо, что помогают, иногда могу выпустить «книжку». В журналах печатают. Бывает, даже платят... Но и небольшие гонорары писателю приятны, а порой скрашивают полуголодное существование.

Когда ваши стихи появились в печати впервые?

Я начал публиковаться в 55-м году в «Сталинской правде», в подборке «Волховские огни» - естественно, в городе Волхов.

Писали ли вы когда-нибудь на заданную тему?

Нет. Недавно был заказ. Позвонил Гранин. Потом дали телефон Яковлева. Пригласили в Смольный. «Вы не могли бы включиться в написание гимна? И лучше бы на старую Александровскую музыку». Я говорю: «Позвольте, Дядя Степа-то живой еще. Он мне много доброго сделал. Это неэтично». «Вы же можете не хуже Михалкова». «Не буду я этого делать». Разошлись. Я ему «Окаянную головушку» подарил... Я ему - книжку, а он мне - бутылку водки и коробку конфет из большой сумки. У него там, видимо, заначка - для всех, кто приходит.

Кто у вас ангел-хранитель?

Их у меня много. Вот сейчас - жена Лида. Ангел-хранитель - он ведь где-то там, за спиной, за плечами. Мои хранители - это Борис Тангин, Николай Шалаев. А Борис Тангин пишет хорошие стихи. Он опубликовал многих известных, в свое время «запретных» авторов. «Самиздат!» Удивительный человек! Моих книжек он сделал, около сотни. Он издал и первую книжку Рубцова, Коли «Волны и скалы». Он еще пластинки делал, западную музыку, «на ребрах», как тогда говорили, то есть на отработанных рентгеновских пленках. И получил 5 лет за это. Страдал в лагерях.

Как вы относитесь к творчеству молодых?

Если что-то трогает, удачно, или что-то «сквозит», то хорошо. Я мало сейчас общаюсь с людьми. Знаю, что в Союзе Писателей России есть Стремяков, Рачков, еще кто-то. Они уже такие мальчики, им за 50 (улыбается). Там есть Ахматов, который ведет «Молодой Петербург», я не знаю кто там сверкает. Конечно, было бы интересно

«Просто жил на свете, мучился, как все»

узнать, пообщаться. Я отстал от всего этого, ушел.

Для вас прежнее время было лучше или сейчас?

Сейчас мне лучше, потому что я сумел дожить до этого времени (смеется). Это же интересно - попасть в другое измерение. А если бы т-а-м остался, ничего бы не узнал сегодняшнего. Экономически, в смысле денежном, было проще там, конечно. Там просили: «Дайте нам рукопись последнюю». Хотя первую книжку я несколько лет пробивал - в 60-м году, наконец, вышла. «Поиски тепла». Вторая вышла через 4 года (64-й) «Спасибо, земля», через 3 года - «Косые сучья», потом - «Тишина», которую сильно побили, потрепали, и я попал с этой книгой даже в «шпионы!» Часть тиража изъняли из продажи и уничтожили - за то, что она показалась очень грустной. Уж не знаю, что в ней было грустного.

Когда вы издали первую книгу, вы были членом Союза писателей?

Меня по первой небольшой книжке приняли в Союз писателей - в 1963 году.

Вы больше читаете или пишете?

Больше пишу. Но если мне что-то подскажут, что вышло что-то интересное, с радостью читаю.

А кто вам интересен в «женской» поэзии?

Из женской поэзии мне Лидия Дмитриевна интересна, как была, так и сейчас (улыбается и смотрит на жену). Лучше ее из женщин в нашем Союзе, например, никто не пишет.

А в Москве есть Белла Ахмадулина, Юна Мориц - интереснейший человек и поэт. Я хорошо знаком с ними и отношусь с большим уважением к их стихам.

Вообще в Москве интересна и «мужская» поэзия. Это Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, был Роберт Рождественский, с которым, бывало, сидел за столом. С Окуджавой я дружил. Мы посвящали друг другу стихи. А потом он подумал, что я переметнулся «к патриотам». А в «Апреле», куда входил Булат Шалвович, была литература другого плана. Я был на писательском Съезде (1994). «Здравствуй, Булат Шалвович» - Не слышит. «Здравствуй, Булат!» - говорю громче. Молчит. Мне Роцин, драматург: «Да брось ты, он сейчас «глухой»! Ну, ладно, что поделаться...»

Какой поэт оказал влияние на ваше творчество?

Влияние не на творчество, на состояние духа. Писать я все равно писал «под

себя»... я так думаю... когда стихи пошли уже. Николай Некрасов, Александр Блок, Сергей Есенин, французы: Верлен, Рембо, Бодлер - «Цветы зла»... Я все это кушал... Верховский, когда я был в Комарово, говорил: «Вы - из проклятых тоже поэтов».

Вы пишете мемуары?

Написал «Остывшие следы» - записки литератора. Сейчас не пишу, много дел. Есть у меня еще и «Исповедь алкоголика»: первая часть в брошюрах, вторая - «Апостолы трезвости» - о тех людях, которые мне помогли освободиться от этого зла. Книга, пожалуй, для врачей, может быть - церковей. Ведь «Исповедь алкоголика» в Парголовоком храме продавалась.

Я читаю газету «Литературный Петербург» - там политики больше, чем литературы. Должен ли поэт заниматься политикой?

Это личное дело редактора - какое направление ему нравится. Я политикой не занимаюсь. Это непристойно в моем возрасте. Но какие-то социальные моменты меня волнуют. Я не могу не

откликнуться (нищета, несправедливость, страдания бомжей и вообще простого человека). Вот Маяковский... Ведь он, ранний поэт, был замечательный. А потом... эти дешевые агитки... Политику лучше обходить, как заминированный дом.

Глеб Яковлевич, знаете, ли вы историю своей фамилии?

Когда мой дед, Алексей Григорьевич, переезжал на жительство в Порхов, нужно было прописаться, как сейчас сказали бы. Это было до революции. В нашей деревне, Горбово, у крестьян фамилий не было, только отчество. Записали Горбовскими - по названию деревни. Вот я и Горбовский. Потом меня и за поляка принимали, и за еврея, и за русского (улыбается). У меня и тех, и других в друзьях было очень много, прекрасных людей.

А как вашу поэзию воспринимают жители деревни? Читали ли они стихи?

Я читаю Николаю. В Старой Ладоге есть две поэтессы. Одна - даже очень одаренная - врач, на мои стихи песни пишет. Но чтобы читать в соседней избе - кому это надо? Они читают мою прозу (у меня книг...шесть прозы). Хвалят.

А как обстоят ваши издательские дела?

В Москве, к октябрю, хотят выпустить однотомник. Правительство Петербурга дает деньги на двухтомник.

В чем вы видите спасение России?

Она должна спасти себя. Не только на Бога надо уповать. Любить Россию, верить ей, помогать ей! Не только карман набивать свой. Сейчас много хороших людей. Надо матушку нашу на руках носить, если она обезножила.

Есть ли у вас стихи о Чечне?

Обойти это (показывает на сердце) нельзя. Убивают друг друга - это страшно.

(Читает стихотворения «Трава покаянная» и «Полевой командир»)

Кто ваш любимый поэт?

Пушкин. Я раньше Лермонтова не очень принимал, а сейчас читаю с удовольствием. Многие его стихотворения обожаю. А у Пушкина все прекрасно!

А что для вас Россия?

Это так заронилось. Когда я очутился в Жилино, в этой деревне Костромской заволжской, - таежное место. Там небольшая библиотечка, однотомники, изданные во время войны и после: Николай Некрасов, Николай Гоголь, Иван Никитин, Александр Пушкин, «Война и мир»...А у меня до 16 лет было два класса образования - потому что война. Первый класс - на Васильевском... Второй - в Порхове. Отец меня подготовил, я за семилетку сдал. Поехал сюда, в Питер, в 30-й школе на Васильевском

учился в восьмом. Девятый не закончил, в армию взяли. Три года служил. Ничего они мне не дали, кроме 286 суток гауптвахты, почти год!

Как вы стали писать стихи, что было толчком?

Отец и мать - учителя-русисты (преподавали русский язык и литературу). Я начался классики. Отец был очень интересным человеком. Каждый вечер - самовар, мы - вдвоем. Школа рубленая деревянная, в первом классе двое, во втором - четверо. Он нам на гитаре играл, романсы старинные пел. Я был дикарь, дичок, после колонии: из дому убежал, один раз даже деньги прихватил - и в бега.

А как вы попали в колонию?

Я учился в деревоотделочном ремесленном училище на Васильевском острове. Работал на Балтийском заводе, в модельном цехе. Делали деревянные модели для отливки. Потом меня перевели на фабрику «Красный Октябрь». Там делают рояли и пианино. Там атмосфера была «пьяная», даже поиграть пили. Что-то стянули со склада. Завели уголовное дело. Но меня судить не стали, отправили в колонию (город Маркс - на Волге). Оттуда я убежал. Искали, но не нашли.

А отец отсидел за «антисоветскую пропаганду» восемь лет - считал, что Пушкин больше поэт, чем Маяковский. Ему это инкриминировали. Ведь Сталин сказал, что Маяковский - талантливейший поэт эпохи.

Отец тоже писал стихи?

Писал. Тетрадь сохранилась. Наизусть не помню ничего. Редко туда заглядываю. Я помню, что название одного стихотворения про Медный Всадник - «Деспот бронзовый». Он по корням - псковский. А мать - из северян: наполовину зырянка. Моя бабушка - Датчикова - известная коми-зырянская писательница. Ее имя есть в энциклопедическом справочнике.

Скажите, когда вы начали писать стихи, и помните ли вы свои ранние стихи?

Ранних нет, они уничтожены. Отец не давал мне писать: «Надо учиться, а не этой чепухой заниматься». А стихи предали огню (смеется). Сожгли.

Почему же вы не прекратили писать?

Когда я уже начал писать, там сжигали-не сжигали, я уже стал графоманом. Это мания. А великие наши?! Их же ничем, только пулей можно было остановить.

Вы целенаправленно садитесь писать или спонтанно?

Спонтанно. В какие-то дни не пишу. Бывает, по две недели. Пишу, когда один и, в основном, до обеда, видимо потому, что родился в 8 часов утра. Если пишу, то это - поток: и семь, и десять, когда как. Напишу, и они забываются.

Почему вы стали писать песни?

Я любил народные: русские, каторжанские, блатные (хлебнул их много в колонии). Вот и писал что-то такое же. Одна песня 63-го года осталась, ее поют и сейчас: «Фонарики ночные...». С Александром Морозовым работал. Были и кассеты, и диск. Грустные песни, «отходняк» называется. С Соловьевым-Седым писали, дружны были очень, с Василием Павловичем.

А вы на гитаре играли?

Да. Но я больше аккомпанировал. Пел свои песни и чужие, если нравились.

Вы чувствуете, как со временем меняется ваше мировоззрение: жизнь, природа, литература?..

Конечно. Со временем начинаешь относиться более нежно к природе, к добрым людям, более остро начинаешь ощущать такие ценности, как дружба, внимание, забота (очень страшно, когда тебя забывают). Как не любить это все? И даже этот снег, который лежит сегодня (смеется). Вынул нос в окно - ноль градусов. Считаю, что жизнь - это удивительный подарок. Мы все - избранныки. У меня даже есть такое стихотворение «Избраннык».

Ирина ГЛЕБОВА